

От этого неожиданного объятия замер как раз Бо Хуай.

Цзянь Сунъи обнимал его далеко не впервые. В детстве, ещё совсем глупым ребёнком, Сунъи так и лип к нему целыми днями. Позже, когда началось распределение по полу и случился первый период гона, им тоже доводилось обниматься.

Но тогда всё ощущалось совсем иначе. Прежде Сунъи льнул к нему — мягкий, сонный, неосознанно капризничающий, словно избалованный ребёнок.

Сейчас же его объятия, хоть и оставались скованными, были осознанными и добровольными. В них чувствовалась неловкая, угловатая попытка утешить.

Бо Хуай и представить себе не мог, что Цзянь Сунъи действительно его обнимет.

Он ведь всего лишь хотел немного подразнить своего упрямого «названного брата», раз за разом твердившего о мужской дружбе, а получил такой ошеломляющий подарок.

Всегда спокойный, невозмутимый Бо Хуай, привыкший полностью контролировать любую ситуацию, вдруг растерялся. Он стоял не шевелясь, пока его сжимал в объятиях столь же напряжённый Цзянь Сунъи.

Все заготовки о том, как он обнимет его в ответ, а потом слегка поиздевается, мигом вылетели из головы. Ладонь, сжимавшая ремешок рюкзака, мгновенно покрылась испариной.

«Какое же ничтожество», — мысленно усмехнулся над собой Бо Хуай.

А Цзянь Сунъи, хоть и обещал себе лишь приобнять друга на секунду, отпускать его не торопился.

Из-за близости объятий он краем глаза заметил бледный след на шее Бо Хуая, прямо у затылка. Тонкий, едва различимый шрам лежал вровень с кожей, выделяясь лишь чуть более тёмным оттенком на фоне холодной белизны. Скрытый под коротко подстриженными волосами, он оставался незаметным для чужих глаз, если не приглядываться специально.

— Шрам остался?

— Так внимательно разглядываешь, — тихо рассмеялся Бо Хуай. — Или просто отпускать не хочешь?

Только тут Цзянь Сунъи осознал, в какой позе они застыли. Он торопливо отпрянул и с преувеличенным отвращением вытер ладони о джинсы:

— Мечтать не вредно! Тебя обнимать — всё равно что столб деревянный, весь жёсткий, кости торчат, неудобно жуть. Теперь понятно, почему все так любят Омег: они мягкие и покладистые.

Бо Хуай прищурился, мгновенно уцепившись за главное:

— Ты обнимал Омег?

«Я? Да откуда... Просто слышал, как Лу Цифэн об этом хвастался».

Но признать поражение Цзянь Сунъи не мог. Напустив на себя высокомерный вид, он холодно фыркнул:

— Тебе не кажется, что с моими данными для Альфы было бы странно ни разу никого не обнимать?

В конце концов, Госпожа Тан — Омега. Да и Чжоу Ло лет в одиннадцать-двенадцать, когда ещё не распределился, тоже попадал в его объятия. Так что технически это не ложь.

Он гордо вскинул подбородок, хотя бегающий взгляд выдавал его с потрохами.

Бо Хуай не стал ловить его на слове и усмехаться над его напускной уверенностью. Он лишь согласно кивнул:

— Надо же, не знал, что наш Брат Сун такой ловелас. Теперь понятно, почему ты стал столь щедр на ласки, едва обратившись в Омегу. Впрочем, возраст у тебя сейчас самый подходящий, гормоны бурлят — дело житейское.

Цзянь Сунъи промолчал, надувшись.

Особый упор, который Бо Хуай сделал на фразе про бурлящие гормоны, заставил Цзянь Сунъи вспомнить то злополучное утро на тренировочной базе, когда его тело вполне недвусмысленно среагировало на близость друга.

Щёки мгновенно вспыхнули пунцовым жаром.

К счастью, как раз в этот момент к обочине подкатило такси. Цзянь Сунъи рванул на себя переднюю дверцу, запрыгнул на пассажирское сиденье, вцепился в рюкзак и, уткнувшись лбом в прохладное стекло, зажмурился, делая вид, что мгновенно уснул.

Бо Хуай устроился сзади. Разглядывая в зеркало заднего вида алеющую щёку притихшего

Сунъи, он лениво постукивал пальцами по дверному подлокотнику.

На душе скребли кошки.

Они ведь уже сближались настолько, что ближе некуда. Причём Цзянь Сунъи сам не раз шёл на контакт. Да и то, что парень реагировал на него физически, доказывало: его тело вовсе не противится этой близости.

Вот только ход мыслей у этого упрянца... Что ж, идеальных людей не бывает.

Бо Хуай понимал: сейчас Цзянь Сунъи и сам толком не осознаёт, кем себя ощущает — Альфой или Омегой, к кому его тянет больше и не предпочтёт ли он в итоге какую-нибудь тихую девочку-Бету.

Раз уж сам Сунъи пребывал в смятении, то как Бо Хуай мог требовать от него определённости? Глупо надеяться, что тот разделит его собственное отношение к любви — когда пол избранника не имеет значения, а важен лишь сам человек. Шанс на это ничтожно мал, и Бо Хуай не строил иллюзий.

Он смертельно боялся одного: если он признается прямо сейчас, ошарашив друга своими чувствами, тот может просто оттолкнуть его. А зная крутой нрав Цзянь Сунъи, можно было не сомневаться — оскорблённый в лучших чувствах парень оборвёт все связи и вычеркнет его из своей жизни раз и навсегда.

Потерять Цзянь Сунъи он не мог себе позволить. Именно поэтому он раз за разом, скрывая истинные намерения, осторожно нащупывал почву, пуская в ход мелкие уловки, чтобы заставить Сунъи наконец задуматься: кто они друг другу на самом деле?

И всё же, не получив твёрдого согласия, он не решался зайти дальше дозволенного.

Каждое объятие, любая вспышка ревности или мимолётная забота со стороны Сунъи отзывались в его груди покалывающей, острой радостью. Он бережно прятал эти крупинцы тепла на самое донышко души, чтобы в моменты тоски доставать их и греться. Но стоило сладости растаять, как на смену ей неизбежно приходила тонкая, щемящая горечь.

Круг замыкался, но вырваться из этого сладкого плена Бо Хуай не желал.

«Желать тебя до безумия и одновременно до смерти бояться потерять — пожалуй, единственная слабость, которую я позволил себе в этой жизни».

Подражая другу, Бо Хуай прислонился виском к стеклу и медленно закрыл глаза, прислушиваясь к тому, как шуршат сухие листья платанов, опадающие на крышу машины под порывами наньчэнского ветра.

Плечи и спина, которых только что касались чужие руки, до сих пор хранили фантомное тепло.

И это ощущение всё ещё было сладким.

Это неловкое объятие согревало душу так сильно, что Бо Хуай чувствовал: запаса этой нежности ему хватит ещё надолго. Он готов любить Цзянь Сунъи годами. Даже если этот упрямец — непроходимый глупец.

Машина затормозила на тихой улочке между двумя одинаковыми виллами в европейском стиле. Подростки молча вылезли из салона с разных сторон и разошлись по домам, даже не удосужившись попрощаться.

Переступив порог своего дома, Цзянь Сунъи сразу заметил гостью, восседавшую на диване в гостиной.

Безупречно скроенный деловой костюм известного бренда, волосок к волоску уложенная причёска и идеально прямая, величественная осанка. В каждом её движении сквозила та самая фамильная сдержанность и холодная рассудительность, что отличала всех членов семьи Бо. Она казалась полной противоположностью устроившейся рядом жизнерадостной, слегка легкомысленной госпоже Тан.

И надо же было такому случиться, что эти столь разные женщины были лучшими подругами.

Цзянь Сунъи даже не стал прикрывать входную дверь:

— Тётушка Юнь? Когда вы вернулись? Мне позвать Бо Хуая?

Бо Юнь тепло улыбнулась ему:

— Не стоит, Сяо И. Проходи, присаживайся. У меня к тебе дело.

Сунъи послушно устроился в кресле напротив.

Бо Юнь была Альфой и до сих пор не связала себя узами брака. В детстве, когда дедушки обеих семей махнули на сорванцов рукой, родители Цзянь Сунъи предпочитали баловать сына, предоставляя ему полную свободу, а вечно занятой отец Бо Хуая редко бывал дома. В итоге вся ответственность за строгое воспитание мальчишек легла на плечи тётушки Юнь.

Именно поэтому и Сунъи, и Бо Хуай относились к ней с глубочайшим почтением. Да что там

говорить про детей — даже отец Бо Хуая частенько пасовал перед авторитетом младшей сестры.

Женщина-Альфа, державшая под своим контролем половину делового мира Наньчэна, заслуживала уважения. Мягкая внешне, но невероятно волевая внутри, она никогда не отступала от намеченного пути. Бо Хуай практически вырос у неё на глазах и перенял многие её черты. Хоть формально она и приходилась ему тётей, по сути она заменила ему мать.

Цзянь Сунъи не сомневался: разговор пойдёт о его друге.

Так и случилось. Бо Юнь ласково поправила чёлку на его лбу, растрепавшуюся во время сна в машине, и спросила:

— Вы ведь вместе с Сяо Хуаем приехали?

— Да, после окончания военных сборов решили собраться компанией, посидеть в ресторане.

Бо Юнь с облегчением вздохнула:

— И слава богу. Я ведь переживала, что после возвращения он не сможет освоиться, останется без друзей, да ещё и этот резкий переход с гуманитарного направления на естественные науки... Боялась, что скатится по учёбе. Но когда мне сказали, что он уже дважды занял первое место в параллели, да ещё и завёл приятелей, у меня прямо от сердца отлегло. А то явился бы его отец с расспросами, и что бы я ему ответила?

Цзянь Сунъи удивлённо приподнял бровь:

— Явился бы?

— Ну да, когда-нибудь ведь это случится. Сейчас его отец колесит с инспекцией по Великому Северо-Западу и даже не подозревает, что сын сменил школу, — Бо Юнь спокойно отпила чаю, словно речь шла о совершеннейшей ерунде.

Цзянь Сунъи лишился дара речи. Да и его родители, сидевшие рядом, заметно напряглись.

Они-то всё гадали, как строгий и консервативный господин Бо допустил подобный произвол со стороны сына. Оказывается, главу семейства просто оставили в дураках, ничего ему не сообщив!

Но ведь тайное рано или поздно станет явным. И что тогда начнётся в доме напротив? Небеса содрогнутся!

Представив, как двое упрямцев с одинаково каменными лицами сойдутся в семейной схватке, госпожа Тан содрогнулась. Её чашка со звоном ударилась о блюдо:

— Да как же так? Вы с племянником вообще головой думали, когда эту авантюру затевали?

— Это не минутная блажь, — невозмутимо отозвалась Бо Юнь. — Сяо Хуай с самого начала рвался на физмат. Но мой брат спит и видит его в политике, поэтому самолично записал мальчика на гуманитарный профиль. А племянник мечтает стать врачом. Вот он и пришёл ко мне за помощью. Вы же знаете его характер: если что-то вбил себе в голову, с пути не свернёт. Весь прошлый семестр он втайне от отца штудировал точные науки, ходил на дополнительные курсы, а каникулы провёл на интенсивных сборах. зубрил физику и химию сутками напролёт. Я ведь понимаю, что он хочет исполнить заветную мечту своего папы. Да и брат перед памятью покойного кругом виноват... Вот я и сдалась.

В груди Цзянь Суньи что-то болезненно сжалось. Он тихо спросил:

— Хорошо, пусть так. Но зачем ради этого нужно было возвращаться в Наньчэн? В Бэйчэне ведь куда больше квот и возможностей для поступления без экзаменов, пусть даже тесты везде одинаковые.

Бо Юнь отвела взгляд и грустно улыбнулась:

— Кто его знает... Он лишь обмолвился, что оставил в Наньчэне то, что не даёт ему покоя, и очень хочет вернуться. К тому же дедушка в последнее время сильно сдал и очень по нему скучал. Вот мы со стариком и решились провернуть всё за спиной моего брата. А когда тот опомнится, против него ополчится вся семья. В одиночку он войну не выиграет.

«С поддержкой дедушки Бо и тётушки Юнь бунт на корабле отцу точно не подавить, — подумал Суньи. — Но что за привязанность удерживает Бо Хуая здесь, в Наньчэне?»

Ему казалось, что в последнее время его сообразительность дала сбой — слишком много вопросов оставалось без ответа.

Не дав ему времени поразмыслить, Бо Юнь мягко продолжила:

— Наступила осень. Скоро годовщина смерти папы Сяо Хуая, да и его собственное совершеннолетие не за горами. Но дедушка сейчас за городом, отец на Северо-Западе, а мне на днях нужно улетать по делам в Бэйчэн. Мальчик останется совсем один. Поэтому я пришла попросить вас приглядеть за ним. Побудьте с ним рядом, чтобы этот праздник не принёс ему одну лишь тоску.

Госпожа Тан всплеснула руками, не скрывая возмущения:

— Да какие государственные дела могут быть важнее совершеннолетия собственного ребёнка?! Ну и семейка у вас, сухари бесчувственные. Будь на его месте наш Сяо И, я бы расшиблась в лепёшку, но устроила ему лучший праздник в жизни!

Бо Юнь лишь понимающе вздохнула, ничуть не обидевшись:

— Увы, не каждому дано родиться под счастливой звездой, как вашему сыну. Да и Сяо Хуай, если честно, вряд ли захотел бы праздновать в кругу родни. Сколько я его помню, он искренне улыбается только рядом с Сяо И. Вот я и пришла просить твоего согласия, милый. Ты ведь не откажешься побыть с ним?

Цзянь Сунъи невольно замялся. Надо же, наследник огромного состояния и влиятельного клана в их разговорах внезапно превратился в самого несчастного, обделённого заботой сироту.

Но описано всё было столь жалостливо, что даже самый чёрствый человек не нашёл бы в себе сил отказать. К тому же сам Сунъи вовсе не был против. Ещё на военных сборах он поймал себя на мысли, что с приходом осени наступит пора покупать охапку нежных лизиантусов.

Прежде чем он успел открыть рот, Госпожа Тан закивала так усердно, что едва не растеряла все шпильки из причёски:

— О чём разговор! Конечно, посидит! Вы даже не представляете, как наши мальчики сейчас близки. Прямо водой не разлить, шагу друг без друга ступить не могут. Настоящая идиллия!

Цзянь Сунъи лишь мысленно простонал.

«Мама, ну зачем так преувеличивать?»

Ему очень хотелось намекнуть родительнице, что некоторые её выражения звучат двусмысленно, но спорить с двумя зрелыми, авторитетными женщинами было делом заведомо гиблым. Голоса он так и не подал, и вопрос сочли решённым.

Проводив сияющую подругу, госпожа Тан вернулась в гостиную, выудила из сумочки глянцевою чёрную карту и сунула её сыну:

— Вот, держи, пользуйся. Трать сколько душе угодно. Покупайте всё, что захотите, ходите по ресторанам. Главное — чтобы Сяо Хуай ни в чём не знал отказа!

Цзянь Сунъи уставился на пластик с лимитом в восемь миллионов юаней в месяц. Мама что, всерьёз предлагала ему подарить другу на совершеннолетие новенькую «Феррари», чтобы тот сразу умчался в закат?

Это было уже чересчур.

Он попытался вернуть карту:

— Мам, ну к чему этот пафос? Переведи мне пару десятков тысяч на обычный счёт, этого за глаза хватит.

— Какая глупость! — возмутилась Госпожа Тан. — Что сейчас можно купить на эти копейки? Приличные коллекционные кроссовки стоят дороже! И как у тебя только язык повернулся такое сказать? А если Сяо Хуай решит, что мы на нём экономим?

Цзянь Суньи лишь недоуменно хлопнул глазами.

— Бери, кому говорю! Это не просто твоя прихоть, это забота от всей нашей семьи. Понимать надо!

Отец семейства, для которого слово супруги всегда являлось непреложным законом, тут же поспешил на помощь:

— Сынок, бери, никто ведь не заставляет тебя тратить всё до последнего цента. Сяо Хуай только с виду такой благополучный, а в душе — одинокий ребёнок, у которого толком и семьи-то не было. Если мы не проявим к нему тепла, то как сможем смотреть ему в глаза? Забыл, кто принял на себя тот страшный удар по голове, когда тебя нужно было защитить? Совесть тебя не замучает?

Цзянь Суньи крыть было нечем. Он молча спрятал карту в карман.

И всё же поведение родителей казалось ему крайне подозрительным. Они вели себя точь-в-точь как богатые свёкры из мыльных опер, которые из кожи вон лезут, чтобы ублажить капризную невестку, лишь бы та не сбежала от их недотёпы-сына.

«Ну да ладно, богатые умом не блещут, спишем на это», — успокоил себя Суньи.

Тихо ворча под нос, он поднялся к себе в спальню.

Забросив рюкзак в угол, парень рухнул на кровать, вытащил телефон и уставился на календарь, где красным маркером были обведены две даты.

Тринадцатое сентября — день памяти Омеги-папы Бо Хуая.

Пятнадцатое сентября — день рождения самого Бо Хуая.

Сунъи до сих пор отчётливо помнил ту осень двенадцать лет назад. Тогда он сидел рядом с маленьким Бо Хуаем, когда тот звонил отцу, уехавшему с миссией на Ближний Восток.

Маленький Бо Хуай, чей голосок ещё забавно шепелявил, упрямо строил из себя взрослого. Он со всей серьёзностью убеждал папу по телефону, что если тот занят, то возвращаться совсем не обязательно — мол, Сяо Хуай уже большой и вполне может съесть праздничный торт сам.

Но стоило родному голосу мягко пообещать, что завтра он обязательно прилетит, как вся напускная серьёзность слетела с ребёнка. Визжа от восторга, Бо Хуай крепко обнял маленького Сунъи и принялся прыгать с ним по комнате, кружась в безумном танце.

Вот только папа так и не приехал.

Его вертолёт потерпел крушение. Врач погиб, спасая чужих детей под обстрелом, и навсегда покинул своего собственного сына.

С тех пор некому стало дарить мальчику ласку и делить с ним радости сменяющих друг друга времён года.

Тогда пятилетний Цзянь Сунъи, шмыгая носом, заявил другу:

— Не плачь! Раз у тебя больше нет папы, то отныне твоим папой буду я. Можешь звать меня так в любое время, я не против!

Сейчас эти слова казались глупой детской шуткой, но тогда маленький Сунъи просто пытался по-своему, неуклюже выразить поддержку: «Я всегда буду рядом».

«Отныне все твои вёсны и зимы я заберу себе. Я буду с тобой».

И вот им уже по восемнадцать. Прошло двенадцать лет.

Цзянь Сунъи поднялся с кровати, вытащил из самого дальнего угла шкафа большую картонную коробку для памятных вещей и опустился на пол. Он долго перебирал скопившийся там за долгие годы хлам, задумчиво разглядывая безделушки.

Грудь сдавило щемящее чувство. Почему этому парню вечно так чертовски не везёт?

Ему отчаянно захотелось сделать хоть что-то, чтобы переломить эту полосу неудач, принести другу удачу и заставить его искренне улыбнуться в день совершеннолетия.

Парень озадаченно взъерошил волосы. Достав мобильник, он быстро набрал сообщение в

общий чат с самыми близкими друзьями:

[Что бы вас больше всего порадовало на восемнадцатилетие? Время, силы и деньги значения не имеют.]

<http://bllate.org/book/20583/2189312>